

Дифференцирование уголовной ответственности по гендерному признаку: исторический аспект

Аннотация:

Анализ уголовно правовых норм выявляет необоснованность, противоречивость гендерного подхода законодателя к их конструированию. С точки зрения гендерной экспертизы, при учете справедливых приоритетов социальной дифференциации мужчин и женщин не наблюдается следования законодателя данным правилам.

Ключевые слова:

Уголовная ответственность, гендерный аспект, преступление, криминалистический анализ, законодатель, законодательство.

Особенности социально- правового статуса субъектов разного пола выделялись исторически. Вместе с тем, как правило, обоснований данного разделения в нормативно-правовых документах не производилось, так же, как не давалось толкований этому явлению и в иных официальных источниках.

В Русской Правде (Краткая редакция, XI век), вообще не существует дифференцирования субъекта преступления и потерпевшего по половому признаку, исходя из чего можно сделать два противоположных вывода. Первый: данное обстоятельство свидетельствует, скорее всего, о равном правовом положении и ответственности всех граждан древней Руси (этот принцип отражен в более поздних источниках права), а второй заключается в том, что, возможно, в таких случаях применялись особые меры, возможно с уголовными наказаниями не связанные. Так, в части 1, где устанавливается ответственность за убийство, сказано: «Если муж убьет мужа, то мстит брат за убийство брата, сын за отца, или племянник со стороны брата, или племянник со стороны сестры, если никто не будет мстить, то взыскивается 40 гривен за убитого».¹ Отсутствие упоминания о женщине в данном случае скорее говорит о равной ее ответственности.

С другой стороны, есть примеры ничтожно малой оценки «стоимости» жизни женщины: в том же историческом источнике установлен «штраф» за убийство рабыни- кормилицы (единственное упоминание о представительницах женского пола), за которое взыскивается 12 гривен, если же «пихнет муж мужа от себя или к себе, то должен платить 3 гривны...»²

Немного позднее, Пространная редакция Русской Правды (Суд Ярослава Владимировича, ст. 88) установила в единичных положениях особенности, связанные с половой принадлежностью субъекта и потерпевшего: «Если кто убьет свободную женщину, то подлежит такому же суду, как и убийца свободного мужчины, но если убитая была виновата, то взыскать с убийцы полвиры, то есть 20 гривен...» Показательно, что в отношении убитого

мужчины- потерпевшего такого правила не установлено (таким образом, даже если он был и виновен в совершении против него убийства, обойтись денежной компенсацией, выплачиваемой виновным, было невозможно). Это подтверждает существование в древней Руси более высоких приоритетов социально-правового статуса мужчины по сравнению с женским.

Показательно более гуманное отношение к актам женского насилия в сравнении с насилием в отношении женщины. Например, в Уставе Ярослава (ст. 30) сказано, что если жена мужа бьет, то митрополиту уплачивает 3 гривны, но если муж бьет жену – то принуждается к уплате 12 гривен. Таким образом, общественное мнение, отраженное в этих нормах, раскрывало свое понимание значительно большей опасности мужской насильственной преступности, отличие мотивов агрессивного поведения мужчин от тех, которыми руководствуются женщины при подобных преступлениях. Достаточно сурово (на этом фоне) каралось насилие женщин в отношении друг друга: «Если две жены бьются – митрополиту 60 гривен, или 6 гривен невиноватой».

По мере укрепления социального неравенства и отражения этого процесса в законодательстве, усиливается и дифференцирование преступников и потерпевших одновременно как по гендерному признаку, так и принадлежности к определенной социальной группе. Например, в «Правосудии митрополита» (XIII век) четко разделяется уголовная ответственность и наказание за изнасилование женщин разных сословий. В ст. 7 установлены следующие суммы штрафов за данное преступление, совершенное: в отношении боярской жены – 5 гривен золота, «меньших бояр дочь» – одна гривна, «добрых – 30 гривен серебра, а нарочитых – 3 рубля».³

Позже, в таком источнике как Соборное Уложение 1649 года, отношение к женщине – субъекту преступления, резко ужесточилось. Это отражено, например, в отношении законодателя к женщине, совершившей убийство или отравление мужа – «казнить ее закапыванием в землю, даже если у них дети, и держать ее в земле пока не умрет» (ст. 14).

¹ См.: История государства и права СССР. Сборник документов. М., «Юридическая литература». 1968. С. 45.

² Там же. – С. 47; 50.

³ Там же. – С. 123.

Фактически, не отличались уголовные наказания по своей жестокости во времена Ивана Грозного, когда женщин также колесовали и четвертовали, применяли к ним изощренные пытки.

УК РСФСР 1960 года представляет собой фактически первый цивилизованный нормативно-правовой акт, очевидно отразивший гендерный подход законодателя к регламентации уголовной ответственности и наказания субъекта преступления. Его содержание позволяет выявить и охарактеризовать те гендерные особенности, которые послужили основанием установления специальных правил применения уголовного закона, вытекающих из признака половой принадлежности лица.

УК РСФСР 1960 г., в ст. 23, запретил применение смертной казни – расстрела – к женщинам, «находившимся в состоянии беременности во время совершения преступления или к моменту вынесения приговора, к моменту исполнения приговора» (наряду с лицами, не достигшими 18 лет, и мужчинами старше 65 лет). Таким образом, в целом данный вид наказания теоретически применялся и к женщинам. В современном УК РФ применение смертной казни к женщине недопустимо даже теоретически.

Однако следует сказать, что ни в одном из комментариев к данному закону, а также и в иных доктринальных источниках не раскрывается причина такого исключения. Характерно, что многие представители зарубежной юридической науки и практики и сегодня высказывают недоумение по поводу такой практики, не усматривая причин для установления привилегий в отношении женщин, совершивших тождественные с мужчинами преступления. На их взгляд, в отношении преступников неприменимы «джентльменские уступки», и исключение подобного рода напрямую нарушает принцип равенства перед законом.

Заметим, что в Своде законов США (§ 3596. Исполнение смертного приговора) указано: «Смертный приговор в отношении женщины не приводится в исполнение до тех пор, пока она беременна».¹ Таким образом, фактически учитывается (как и в УК РСФСР 1960 г.) лишь социально значимый признак женщины-матери, но не признак половой принадлежности, согласно которому дифференцировано данное законодательство сегодня (в данном случае имеется в виду применение смертной казни).

Далее, в ст. 24 УК РСФСР «Лишение свободы» были регламентированы виды исправительных учреждений, назначаемые судом для отбывания данного наказания мужчинами и женщинами.

Следует отметить, что, по сравнению с действующим уголовным законодательством, система женских исправительных учреждений была существенно более разветвленной: тюрьма, колония-поселение, исправительные колонии общего и строгого режима (для особо опасных рецидивистов и совершивших особо опасные государственные преступления), воспитательные колонии общего режима для несовершеннолетних

женского пола. Вместе с тем, в целом она предусматривала более ограниченный выбор мест лишения свободы в отношении осуждаемых женщин, чем в отношении мужчин (последних можно было направлять еще в исправительные колонии особого режима, несовершеннолетних рецидивистов – в воспитательные колонии усиленного режима).

В анализируемом УК РСФСР была заложена норма, предусматривающая смягчение уголовной ответственности при назначении наказания, относящаяся к исключительно физиологическому статусу женщины (ст. 38). В частности, п. 8 данной статьи предусматривал совершение преступления женщиной в состоянии беременности. Один из научно-практических комментариев советского периода обосновал существование в уголовном законе данного правила следующим образом: «Состояние беременности влечет ряд функциональных изменений в организме женщины, воздействуя на психику и мотивы ее поведения. При этом на признание состояния беременности смягчающим обстоятельством не оказывают решающего влияния ни срок, ни степень воздействия беременности на принятие решения о совершении преступления».²

Хотелось бы заметить, что, несмотря на воздействие беременности на психику женщины, большинство физиологов не отмечают столь решающего влияния данного состояния на криминальное поведение женщины, тем более – мотивационную сферу преступления. Напротив, традиционно отмечается более осторожное поведение женщины в период вынашивания ребенка, замедление обычных рефлексов, склонность к малоподвижному образу жизни и поведения, и, по аналогии с поведением животных в период вынашивания плода – сонливость, снижение агрессивности, медлительность.

В ст. 46/2 «Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей» российский законодатель выделил правовое положение женщин, в основании которого лежат физиологические особенности (беременность женщины) и родительский (материнский) статус (наличие малолетних детей до трех лет). Что касается применения данной отсрочки к беременным женщинам, то целью законодателя, как можно предполагать, является сохранение нормальных для нее психологических и бытовых условий, чтобы вынашиваемый ребенок, как и сама будущая мать, родился здоровым. В отношении второй категории (женщин, имеющих малолетних детей до трех лет) следует предположить, что законодатель использовал подход к оценке их социально-правового статуса исходя из аналогии положений трудового законодательства (социальная поддержка материнства и детства до исполнения ребенку 3 лет). В данном случае, правовой защитой обеспечена не собственно женщина как таковая, и даже не мать малолетнего ребенка, а, вероятнее всего, сам ребенок в возрасте до трех лет (в частности, такие объекты, как его нормальное психическое и физическое развитие, полноценное воспитание и иные,

¹ См.: Уголовное законодательство зарубежных стран. Сборник законодательных материалов / Под ред. Козочкина И.Д. – М.: «Зерцало», 2001. – С. 96.

² Научно-практический комментарий к УК РСФСР / Под ред. Кругликова Л.Л., Тенчова Э.С. – Ярославль: «Издательство Влад», 1994. – С. 118-119.

связанные с этими блага). Однако в целом в адресном аспекте данной нормы следует выделить статус женщины-матери.

Показателен тот факт, что учебная и научно-практическая литература по непонятным причинам не подвергала (и ныне не подвергает) тщательному анализу те особенности, благодаря которым представитель того или иного пола получает от законодателя конкретные привилегии, благодаря которым он может избежать уголовной ответственности в обычном полном объеме (или иногда даже полностью освобождаться от нее). Это можно наблюдать на примере уже рассмотренных статей УК РСФСР 1960 года, комментарии к которым (как и материалы учебников по курсам уголовного права) не раскрывают причины исключений и привилегий для субъектов преступлений, установленных законодателем исходя из их гендерных особенностей.

Особенная часть ранее действующего УК РСФСР 1960 года также содержала интересные, с позиций гендерного подхода, особенности применения закона в отношении лиц, совершивших преступления. Так, в ст. 103 УК РСФСР была регламентирована уголовная ответственность за умышленное убийство. Все источники толкования данной нормы включали в понятие такого рода убийств (так называемое «простое» убийство) и убийство матерью новорожденного ребенка во время родов или непосредственно после родов. Нам представляется это положение справедливым, поскольку выделение в дальнейшем в УК РФ 1996 г. (в ст. 106) состава данного убийства как привилегированного, не признающего даже тяжким преступлением, явно не соответствует объективному уголовно-правовому и криминологическому анализу (в последующих разделах работы мы остановимся на этом вопросе подробно).

Ст. 116 УК РСФСР устанавливала уголовную ответственность и ее основания за незаконное производство аборт. При этом фактически речь шла о только потерпевшей женского пола. Если же фактическим субъектом данного преступления оказывалась сама беременная женщина, совершившая незаконный аборт или искусственное прерывание беременности, то в доктринальном порядке ее вина отрицалась, хотя практиками долгое время проводилась политика проведения определенных разъяснительных мероприятий с такими женщинами, осуждение данных действий, – что являлось отголоском политики советского государства эпохи строительства социализма в первые годы советской власти, когда аборты были запрещены.

В УК 1960 г. гендерный признак явно усматривается в ст. 117 «Изнасилование», поскольку, путем расширительного толкования содержания объективной стороны данного преступления, следует однозначный вывод о том, что субъектом преступления может быть только мужчина (изнасилование, то есть половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшей, наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет»)

Все комментарии и доктринальные источники, а также действовавшее в то время постановление Пленума

Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании»¹ указывали, что потерпевшим от изнасилования выступает только лицо женского пола. Никаких при этом объяснений и обоснований данной позиции не производилось: между тем, и в истории, и в современной криминальной практике существовал и продолжает подтверждаться факт и обратного действия – совершение изнасилований мужчины женщиной (женщинами).

Почему-то данный факт игнорируется, и впоследствии, при разработке проекта Уголовного кодекса 1996 г., предложение о распространении признаков субъекта изнасилования применительно и к женщинам, не получило реализации в данном новом законе. Представляется, что в данном случае причиной такого положения послужил не научный объективный подход к разработке уголовно-правовой нормы (базирующийся на конкретной эмпирической и аналитической базе), а обывательское мировоззрение. Что, собственно, отражено и в современной редакции рассматриваемой статьи УК (ныне – ст. 132 УК РФ «Изнасилование»).

Следующая статья УК РСФСР, заслуживающая внимания с точки зрения гендерного анализа ее содержания, это ст. 118 «Понуждение женщины к вступлению в половую связь». Законодатель сконструировал объективную сторону данного преступления как деяние, которое осуществляет мужчина (как правило) или женщина, в отношении которого потерпевшая являлась материально или по службе зависимой. Интересно, что подобное преступление вполне могло (и может) быть направлено против мужчины и точно также посягать на его половую свободу, – что отмечается многими криминологами и констатируется сегодня в практике социологических и криминологических исследований (например, деятельности различных частных и государственных организаций и учреждений).

Женщина, в отношении которой потенциальный потерпевший – мужчина является материально или по службе зависимым, абсолютно не отличается по вариантам криминального поведения и точно также, как мужчина-начальник способна психически воздействовать на мужчину с тем, чтобы заставить его против его желания вступить в половую связь или удовлетворить половую страсть в иной форме. При этом нет сомнений, что данного рода понуждение по своим объективным свойствам будет представлять столь же реальную опасность правам потерпевшего мужчины, его материальным и служебным интересам. Тем более что способы, которые предполагает такое понуждение, носят вполне «женский» характер: угроза уволить с работы, лишиться премии, возможности получить жилье и т.п.

На наш взгляд, данный подход с точки зрения гендерного подхода совершенно необоснован и заложил, в данном случае, основы искаженного, ненаучного представления о криминологически равном статусе женщины и мужчины.

Показательно односторонним было отношение законодателя и к проблеме гомосексуальных отношений, что получило отражение в ст. 121 УК РСФСР

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 7.

«Мужеложство». По непонятным причинам, которые также, как и в большинстве других случаев, не объяснялись ни в законодательном, ни в доктринальном порядке, уголовная ответственность наступала исключительно в отношении случаев мужеложства, осуществляемого мужчиной в отношении мужчины с применением физического насилия, угроз, или в отношении несовершеннолетнего, или с использованием зависимого положения либо беспомощного состояния потерпевшего. При этом общеизвестно, что факты насильственного женского гомосексуализма, хотя и существенно в меньшей степени, но также распространены (например, в женских исправительных учреждениях).

Признавая необходимость уголовной репрессии гомосексуализма среди мужчин, уголовный закон фактически закрывал глаза на данное явление в среде женщин. Логические и научно- обоснованные объяснения данному факту найти трудно. Здесь мы вновь мы сталкиваемся с тем положением, когда гендерная дифференциация (в данном случае, исключительно по половому признаку) явно не обоснована и, фактически, нарушает принцип равенства субъектов преступления перед законом и судом.

Между тем, в следующей статье 134 «Воспрепятствование осуществлению равноправия женщин» рассматриваемого уголовного кодекса речь идет только о женщинах, хотя это в данном случае, с учетом сложившейся к 1960 году социальной ситуации с явным превалярованием мужчин в сферах государственной власти и управления, участия в политической и общественной жизни, представляется справедливым. Данная статья была ориентирована на обеспечение установленного Конституцией РФ равного наряду с мужчиной права женщины участвовать в государственной, общественной или культурной деятельности.

Однако следует заметить, что в судебной практике исключительно редкими были случаи применения данной статьи. Во- первых, мотив именно половой принадлежности почти никогда не звучал и звучит в содержании действий по воспрепятствованию данного рода – например, как причина отказа о приеме на работу женщине (чаще всего, называются иные мотивы данного отказа), тем более что данное деяние должно быть соединено еще и с насилием либо с угрозой его применения. Руководители учреждений указывают причины, которые опровергнуть невозможно (недостаточная квалификация, наличие малолетних детей у женщины, что исключает командировки и сверхурочную работу и т.п.)

Во- вторых, социальная статистика и социологические анализы ситуации в сфере трудовой занятости, что женщина традиционно «вытеснялась» из занятых мужчинами структур, – например, государственной власти и управления, – не открыто и прямо, а косвенно, подспудно, и данное положение складывалось исторически, а поэтому не вызывало и открытого официального протеста женщин против существующих негласных порядков ее дискриминации. Как справедливо заметила социолог Г.М. Мешкова, – «В России, издавна отличавшейся более или менее явной дискриминацией женщин-трудящихся, сегодня налицо своеобразный резкий поворот в сторону этого «естественного» разделения

функций, наблюдаемый в том числе и на уровне государственной политики. Женщину продолжают пытаться защищать, видя в ней практически социального инвалида, а вовсе не создавать условия для реализации личности, независимо от половой принадлежности. Главную дилемму – дом или работа – государство пытается решить, вытесняя женщину из сферы профессиональной занятости».¹

Таким образом, данная статья УК РСФСР, конкретно ориентированная на охрану прав и социальных интересов тогда еще советской женщины, все- таки имела скорее популистский, декларативный характер, и конкретного значения в укреплении социально- правового статуса женщины иметь не могла.

Совсем иное следует сказать в отношении ст. 139 «Отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины или кормящей матери», введение которой было вполне обоснованным и реально поддержанным правоприменителем. Охрана права на труд беременных женщин и матерей, кормящих грудных детей, была актуальной проблемой советских времен. Отчасти благодаря данной уголовно- правовой норме в судебной практике до сих пор сложился принцип незыблемого приоритета интересов данных категорий женщин, что справедливо и гуманно, поскольку защищая их права одновременно обеспечивается защита основных прав детей.

В данном случае, с точки зрения гендерного подхода, законодатель вводит специальный статус женщины – физиологический (беременность) и биосоциальный (кормящая женщина, мать грудного ребенка).

С точки зрения современного уголовного закона, большой самобытностью отличается ст. 232 УК РСФСР 1960 г. «уплата и принятие выкупа за невесту», которой была установлена уголовная ответственность двух сторон- участников данной «сделки» – лиц, которые передают выкуп, и тех, которые его принимают. Женщина в таких случаях выступала в качестве предмета сделки, что лишало ее самостоятельности в выборе супруга, и, кроме того, подобные действия фактически принуждали ее ко вступлению в брак с лицом, в пользу которого уплачен данный выкуп.

Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1969 года «О судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев» уточняло, что ответственность за данное деяние наступает даже в тех случаях, когда выкуп был уплачен и с ее согласия, хотя сама она субъектом данного преступления не признавалась (даже в случае получения выкупа лично или непосредственно участвуя в его передаче-получении).² Последнее уточнение подчеркивало отношение к женщине исключительно как к пассивной участнице данных запрещенных уголовным законом отношений, всегда потенциальной жертве, даже при явном противоречии этому ее объективного участия в

¹ Мешкова Е.Г. Гендерные особенности ценностных представлений. В сб.: Женщины в экстремальных ситуациях: защита прав и интересов женщин. Международная конференция. Москва, 23-25 января 1997г. Книга 2. – С.144.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР (1961-1977 гг.). – М., 1978. – С. 225.

выполнении объективной стороны преступления. Этот пример свидетельствует, с одной стороны, о традиционно обывательском подходе законодателя к оценке подобных ситуаций как «решаемых мужчинами женских судеб», а, следовательно, придании общественной опасности именно и только поведению мужчин по организации и реализации выкупа за невесту.

Но, с другой стороны, остается непонятным, почему в случаях инициирования и непосредственного участия невесты в данных действиях, все равно ее роль признается ничтожной и не претендующей на равное соучастие с иными субъектами преступления мужского рода. Презумпция верховенства мужчины, организующего уплату и принятие выкупа за невесту, отраженная в данной устаревшей традиции некоторых народов (в основном, кавказских республик), нашла прямое отражение в конструкции уголовно-правовой нормы ст. 232 УК РСФСР, где исключается уголовная ответственность невесты вообще.

Данный пример еще раз свидетельствует об использовании гендерного подхода законодателя при конструировании уголовно-правовых норм, однако в основе его применения лежат мировоззренческие представления о социальной и физиологической слабости женщин для создания привилегий в отношении применения мер уголовной ответственности в отношении их.

В основном, те же особенности лежат в обосновании содержания и направленности ст. 233 УК РСФСР «Понуждение женщины к вступлению в брак или воспрепятствование вступлению в брак». Указанная статья регламентировала четыре преступления: принуждение женщины к вступлению в брак; принуждение женщины к продолжению брачного сожительства; воспрепятствование женщине вступлению в брак; похищение женщины для вступления с ней в брак. Доктринальные объяснения первому составу, в основном, опирались на необходимость уголовно-правовой защиты женщин – жительниц тех территорий, где проповедовалось мусульманство.

В частности, в Научно-практический комментарий под редакцией Л.Л. Круликова отмечалось: «Принуждение женщины к выходу замуж за определенное лицо вытекает из норм Шариата – ислама, согласно которым женщина обязана беспрекословно подчиняться родителям. Всякая ее попытка избежать выхода замуж за лицо, угодное родителям, немедленно пресекается. Хотя в отношении совершеннолетних женщин названные нормы предусматривают дачу женщиной согласия на брак, в реальной жизни это требование не всегда соблюдается».¹ Между тем, подобного рода преступные по УК РСФСР действия были характерны далеко не только для мусульманок, но были весьма распространены и среди русского населения.

Представляется, что данная статья заложила основы для совершенствования в дальнейшем уголовного законодательства в сфере охраны половой неприкосновенности женщины. Интересно, что в данном

случае, при похищении женщины (как особой форме принуждения) уголовная ответственность виновного наступала только тогда, когда подобное похищение происходило вопреки воле и желанию самой женщины (об этом сказано в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1969 года «О судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев»). Данный подход противоречит вышерассмотренному, примененному законодателем при конструировании ст. 232 УК РСФСР, и также создает коллизионное отношение к определению роли женщины в механизме преступления и установлению степени ее ответственности. Если женщина (с точки зрения советского законодателя) рассматривалась как предмет при ее похищении, а это, фактически, признавалось, – то почему, если можно признать обоснованность ее личной виновности, исключена виновного, осуществившего данные действия? Если провести аналогию со ст. 232 (выкуп невесты), то там, как мы помним, преступные действия невесты освобождают ее от ответственности, но она ложится на иных виновных.

По-видимому, речь идет о своеобразном театрализованном варианте похищения, и законодатель – мужчина в данном случае снова «закрывает глаза» на существующие объективно теоретические конструкции уголовно-правовой нормы. В частности, если похищение представляет собой преступление, то даже согласие жертвы не должно исключать его ответственность за совершенное деяние при выполнении всех необходимых его признаков. Собственно, согласие жертвы вообще не признается ведущими теоретиками возможным основанием для освобождения от уголовной ответственности, особенно, если речь идет о насильственном характере преступления (коим является принуждение вообще, и, в особенности, похищение как форма данного принуждения).

Советский законодатель категорично жестко регламентировал ответственность мужчин за двоеженство или многоженство, установив ее в ст. 235 УК РСФСР. Считалось, что данное деяние подрывает моногамию семьи как основной принцип семейных отношений, существующий в большинстве стран мира. Данный запрет ушел в историю вместе с уголовным законом того времени, и сегодня сожительство с двумя или несколькими женщинами с ведением общего хозяйства является весьма распространенным явлением, почти никого не удивляющим. Между теми, удивляет позиция законодателя, исключающего сожительские отношения женщины с двумя и более мужчинами (такие случаи были не так уж редки, особенно в сельской местности). По-видимому, в основании такого исключения лежат предпосылки нравственной теории меньшей криминальности женщин, которая исключает вероятность данных случаев только исходя из более высоких нравственных качеств женщины, – несмотря на опровержение этого обстоятельства объективной реальностью (хотя и в меньшем количестве проявлений, нежели среди мужчин).

Не объясняет вопросы к применению названных статей и последняя ст. 236 Главы 11 «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев», в которой

¹ См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу РФ. – Ярославль: «Издательство Влад», 1994. – С. 626.

указано, что действие настоящей главы распространяется на те автономные республики, автономные области и другие местности РСФСР, где общественно опасные деяния, перечисленные в настоящей главе, являются пережитками местных обычаев. Поскольку установление вопроса о том, являются ли данные деяния пережитками местных обычаев, решает суд, то пределы действия указанных норм неясны. Неясен и принцип их неприменения на тех территориях, где они не являются пережитками, но, например, применялись представителями наций, соблюдающими данные устаревшие традиции.

Таким образом, анализ уголовно-правовых норм предыдущего уголовного кодекса выявил необоснованность, противоречивость гендерного подхода законодателя к их конструированию. В частности, в одних случаях презюмируется исключительное положение женщины по признаку половой принадлежности, а других – вполне обоснованно создаются привилегии ее социально-физиологическому статусу, а в-третьих – женщина исключается из круга субъектов уголовной ответственности по непонятным основаниям, при равенстве субъективных и объективных признаков совершенного деяния, необходимых для вменения ей в вину некоторых предусматриваемых преступлений.

Что касается особенностей выделения законодателем мужчины как субъекта преступления, то, во-первых, по сравнению с дифференциацией женщин по гендерному признаку, советский уголовный закон делает это исключительно редко и, в отличие от них, использует в основном только признак половой принадлежности.

Представляется справедливой суждение В. Питецкого, который пишет: «Уголовный закон должен быть логически последователен и непротиворечив. Все его нормы должны быть подчинены принципу: за равные преступления – равная ответственность».¹ С точки зрения гендерной экспертизы, при учете справедливых приоритетов социальной дифференциации мужчины и женщины, мы, к сожалению, не наблюдаем следования законодателя данным правилам.

Примечания:

1. Мешкова Е.Г. Гендерные особенности ценностных представлений. В сборнике: Женщины в экстремальных ситуациях: защита прав и интересов женщин. Международная конференция. Москва, 23-25 января 1997 г. Книга 2. – С.144.
2. Питецкий В. О дальнейшем воплощении принципа индивидуализации уголовной ответственности в УК РФ // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 51.
3. История государства и права СССР. Сборник документов. – М.: «Юридическая литература», 1968. – С. 45, 47, 50, 123.
4. Научно-практический комментарий к УК РСФСР. Под ред. Кругликова Л.Л., Тенчева Э.С. – Ярославль: «Издательство Влад», 1994. – С. 118-119, 626.
5. Уголовное законодательство зарубежных стран. Сборник законодательных материалов / Под ред. Козочкина И.Д. – М.: «Зерцало», 2001. – С.96.

¹ Питецкий В. О дальнейшем воплощении принципа индивидуализации уголовной ответственности в УК РФ // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 51.